

БУКВА, АРТИКЛЬ, СУБЪЕКТ: МЕТАИСТОРИЯ НОВЕЙШЕЙ ПОЭЗИИ В ТЕКСТАХ НИКИТЫ СУНГАТОВА

А.Е. Масалов

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, Россия; uchkuduk202@gmail.com*

Аннотация: Поэзию Никиты Сунгатова часто причисляют к постконцептуализму-2 или ангажированно-концептуалистскому полюсу круга журнала «[Транслит]». Однако стоит учесть, что его поэтический язык складывается на пересечении различных влияний, в том числе и аналитической поэтики Аркадия Драгомощенко, премию имени которого Сунгатов курировал, а перед этим вошел в шорт-лист в 2015 году. Переплетение концептуалистской метапозиции и языковой аналитики Драгомощенко делает возможным сочетание последовательного воспроизведения любых стилей новейшей поэзии вкупе с их проблемным анализом в текстах Сунгатова. Это можно увидеть и на примере самых известных текстов сборника «Дебютная книга молодого поэта», и в нынешних текстах — «Подражание Вл. Ходасевичу» и «[a modern poem]». На последней поэме и акцентируется внимание в данной статье. Роль буквы и ее трансформации видна уже в первой части, стилизованной под заумь и очужденный язык. Здесь переплетение букв, фонетических знаков и псевдограмматических категорий апеллирует к историческому авангарду и его звукописи. Еще одна роль буквы в поэме — неопределенный артикль «а», семантика которого делает поэму Сунгатова высказыванием о «современной поэзии в целом», что вместе со стилизацией различных поэтических языков от исторического авангарда выше до современных техник прямого, неоклассического и непрозрачного высказывания превращает поэму в метаисторию новейшей поэзии. И если «Метаистория» Хейдена Уайта была посвящена дискурсивному анализу исторических нарративов, то «[a modern poem]» становится дискурсивным анализом как новейшей поэзии и ее языков, так и ее столкновения с дискурсами насилия и большой истории. Всему этому соответствует и неопределенный, вслед за буквой и артиклем субъект — «it», кочующий между языками, нарративами и ускользающей современностью.

Ключевые слова: новейшая поэзия; постконцептуализм; метаистория; буква; артикль; субъект

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-13

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Для цитирования: Масалов А.Е. Буква, артикль, субъект: метаистория новейшей поэзии в текстах Никиты Сунгатова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 161–172.

THE LETTER, THE ARTICLE, THE SUBJECT: METAHISTORY OF CONTEMPORARY POETRY IN THE TEXTS OF NIKITA SUNGATOV

Alexey Masalov

Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia; uchkuduk202@gmail.com

Abstract: Nikita Sungatov's poetry is often categorized as postconceptualism-2 or the engaged-conceptualist pole of the [*Translit*] magazine community. However, it is worth considering that his poetic language is formed at the intersection of various influences, including the analytical poetics of Arkady Dragomoshchenko, the Prize named after whom Sungatov curated and before that was short-listed for in 2015. Sungatov can consistently reproduce any style of contemporary poetry in his texts, coupled with their problematic analysis thanks to the intertwining of conceptualist metaposition and Dragomoshchenko's linguistic analysis. We can see this in the most famous texts of *The Young Poet's Debut Book* as well as in the current texts, *Imitation of Vl. Khodasevich* and [*a modern poem*]. The author of this article focuses on this latter poem. The role of the letter and its transformation can already be seen in the first part, which is stylized as zaum and alienated language. Here the intertwining of letters, phonetic signs, and pseudo-grammatical categories appeals to the historical avant-garde and its sound poetry. Another role for the letter in the poem is the indefinite article 'a', whose semantics make Sungatov's poem a statement about 'contemporary poetry in general', which, together with the stylization of various poetic languages from the historical avant-garde above to contemporary techniques of direct, neoclassical and opaque statement, turns the poem into a metahistory of contemporary poetry. And if Hayden White's *Metahistory* was a discursive analysis of historical narratives, then [*a modern poem*] becomes a discursive analysis of both recent poetry and its languages, and its collision with discourses of violence and big history. To all this corresponds an indeterminate subject, following the letter and the article, 'it', which nomadizes between languages, narratives, and the elusive modernity.

Keywords: contemporary poetry; postconceptualism; metahistory; letter; article; subject

Funding: The research was carried out at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and financially supported by a grant of the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00429).

For citation: Masalov A. (2024) The Letter, the Article, the Subject: Metahistory of Contemporary Poetry in the Texts of Nikita Sungatov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 161–172.

Новейшая поэзия проблематизирует не только язык высказывания, но саму и возможность высказывания, тем самым спрашивая (в т. ч. и саму себя), что такое поэзия вообще. Наиболее радикально этот вопрос был поставлен концептуализмом в 1980-е. Как пишет М. Айзенберг, «можно избежать многих недоразумений, если понимать концептуализм не как школу, а как проблему. Проблему не одних концептуалистов, но общего состояния художественного языка. А именно: видимая невозможность его существования в привычных формах» [Айзенберг 2005: 31–32]. Так и поэзия уже XXI века продолжает исследование самой возможности поэзии.

Никита Сунгатов, о текстах которого пойдет речь в данной статье, развивает концептуалистскую проблематику в современных условиях постправды и неолиберализма, скрывающих идеологию за привлекательными вывесками. Так, Д. Ларионов в отзыве на его сборник «Дебютная книга молодого поэта» пишет: «Сунгатов скорее стремится понять, что такое поэтическая речь вообще и нужна ли она сегодня. Постановка подобной задачи может вести как к интересным творческим (и исследовательским) результатам, так и к отказу от поэзии вовсе: ведь есть ощущение, что все самое важное располагается на баррикадах, в медиапространстве, короче говоря, в тех местах, где поэзия рассматривается как паллиатив и/или вовсе не принимается в расчет. Жест здесь оказывается важнее любых слов. Именно между “словом и делом” — при ощущении абсурдности и неуместности и того и другого — возникает напряжение, столь ценное в стихах Сунгатова» [Ларионов 2015].

Поэзию Н. Сунгатова часто причисляют к постконцептуализму-2 [Корчагин 2018: 391] или ангажированно-концептуалистскому полюсу круга журнала «[Транслит]» [Сунгатов 2016]. Однако стоит учесть, что его поэтический язык складывается на пересечении различных влияний: концептуализма Д.А. Пригова и Л. Рубинштейна, критической лирики А. Скидана, политической поэзии К. Медведева и Г. Рымбу, а также аналитической поэтики А. Драгомощенко¹, премию имени которого Н. Сунгатов курировал, а перед этим вошел в шорт-лист в 2015 году. Переплетение концептуалистской метапозиции и языковой аналитики Драгомощенко делает возможным сочетание последовательного воспроизведения любых стилей новейшей поэзии вкупе с их проблемным анализом в текстах Н. Сунгатова.

Примером такого подхода является следующий текст, опубликованный в 2014 году в журнале «Воздух»:

¹ Аркадий Драгомощенко — поэт, часто причисляемый к метареализму, создавший особый язык, в котором переплетаются изображение многомерного пространства, отсылки к классической и современной философии, исследование феноменологии восприятия и памяти, а также анализ языка высказывания посредством металирики (лирики о самой лирике) [см. Масалов 2022: 214].

ветеран второй чеченской войны
взялся писать актуальные стихи

например, такие:

подземная духота

сквозь которую пробивается еле живой

голос

пули

Рихтер

Поёт

.....

все друзья над ним смеялись
и восстали из могил
дружно к телу прикасались
шестикрылый серафим

мёртвые однополчане
говорили с ним во сне:
«все поэты лежат в дагестане,
а не в чечне»

[Сунгатов 2014: 175]

Этот текст является (мета)высказыванием о насилии и милитаризованности дискурса и о стандартных конвенциях «актуальной» и классической поэзии. Об этом говорит и указание на «ветерана второй чеченской войны» в первой части стихотворения, и стилизация под типичный фрагментированный «актуальный»² текст во второй части («*подземная духота*»), и четырехстопный частушечный хорей, сопровождающийся отсылками к русской классике, в третьей.

К. Корчагин видит в этом тексте возвращение концептуалистского «мерцающего» субъекта: «Здесь мы имеем дело с поэтической атакой на этический релятивизм, свойственный публичному полю в современной России, где множественность дискурсов и наличие в одном медийном пространстве многочисленных конкурирующих друг с другом точек зрения часто становится способом отказать истине в праве на существование» [Корчагин 2018: 394]. А М. Дрёмов отмечает, что этот текст может быть еще и пастишем к тексту В. Кривулина [Дрёмов 2023: 283]:

прапорщик пройдя афган
разве что-нибудь напишет

² Т. е. относящийся к полю актуальной поэзии, формы культурного производства текстов и авторства, возникшей после 1991 года и ориентирующейся на примат художественного новаторства и авторской индивидуальности [см. подробнее: Кузьмин 2009].

до смерти он жизнью выжат
и обдолбан коль не пьян

или вижу в страшном сне —
старший лейтенант спецназа
потрудившийся в чечне
мучится: *He строит фраза*
Мысль не ходит по струне

[Кривулин 2001]

Подобным образом строятся и нынешние тексты Н. Сунгатова, например «Подражание Вл. Ходасевичу» [Сунгатов 2020], которое, начинаясь со стилизации поэта-модерниста, высвечивает переплетение метапоэтической и социальной проблематики. Так и «[a modern poem]» представляет собой гетерогенный текст, местами своей графикой отсылающий и к ключевой модернистской поэме С. Малларме «Бросок костей», и к испытывавшему ее влияние проективному стиху³, распространенному в современной поэзии США. Для автора одного из предисловий И. Соколова в основе поэмы лежит «пандемическая коррозия субъектности» [Соколов 2022], а О. Цве отмечает, что в ней «поэтическое отдает себя на поприще политического, чтобы быть выбитым на фоне пандемии, с которой начинается текст. <...> Изоляция, ограничения нападают на текст, где дистанция становится единственным способом говорить. Однако и сам этот способ оказывается в изоляционной логике. То современное ускользает, остаются обрывки и зоны поражений» [Цве 2022]. Иными словами, «[a modern poem]» проблематизирует саму сущность поэтического высказывания, что вызывает трансформации языка на всех уровнях, включая букву.

Роль буквы и ее трансформации видна уже в первой части, стилизованной под заумь и очужденный язык:

a modern poem

I.

ʂʌɾpʌn kuɛ: maaha z:li fʌ: fʌ: fʌ:
peɐr pɔp «pʌp-pʌp-pi:ip-pʌb-bed»
cuɪf cuɪf a:d gʌyɛfɪŋ fʌ'm'u'pɛ
v aʃu/ui:ra ip ohainowastɔ fʌ:

ʃʌʃi ŋgʌfʌŋɟ p ɾa: ^ ^ ʂʌɾpʌn
'alə 'alə 'alə kuku kuku
aiŋiiria u: mɔ k vas beb beb ebɛb

³ Проективный стих — изобретение Ч. Олсона, ставшее важной вехой для американской инновативной поэзии и ее стремления к открытой форме и экспериментальным техникам стихосложения [см. Олсон 2010].

ti-si-ov-kei ar-si-ov-kei ti-si-ov-kei

pi es fa fa

II.

*ʂʌrpan kuɛ: maaha ʒ:li fv: fv: fv:
реэр рЭр «рлр-рлр-рi:ip-рлб-bed»
cuʃ cuʃ ard ɣʌtɛfɪŋ ʃ'm'ʌ'pɛ
в аʃu/ʌi.ra ip ohainowastɔ fv:*

*ʒʌʃi uɣafʃɪŋj p ʃa: ^ ^ ʂʌrpan
'alə 'alə 'alə kuku kuku
aiñüirua u: mɔ k vas beb beb ebɔb
ti-si-ov-kei ar-si-ov-kei ti-si-ov-kei*

pi es fa fa

[Сунгатов 2022]

Здесь переплетение букв, фонетических знаков и псевдограмматических категорий апеллирует к историческому авангарду и его звукописи (от заумного языка А. Кручёных и В. Хлебникова до фонической музыки А. Туфанова и сонорного текста «Занг Тумб Тумб» Ф.Т. Маринетти), что сразу задает восприятие этой части как стилизации модернистских поэтических языков. В этом можно увидеть пародирование колониальной оптики модернизма и авангарда, который часто нерелективно стремился «апроприировать с позиций неокOLONиализма» [Муравьева, Шве́ц 2020: 402] экзотические языки и культуры. С другой стороны, в этом фрагменте можно обнаружить пастиш или отсылку к стихотворению А. Драгомощенко «Изучая язык Nuku-tu-taha» [Драгомощенко 2011: 143]. Такое «мерцание» между пародией и метарефлексией, как представляется, и создает не только описание различных поэтических дискурсов, но и особую аналитическую метапозицию по отношению к ним.

Эту стратегию усиливает еще одна реализация буквы в поэме — неопределенный артикль «а», семантика которого делает поэму Н. Сунгатова высказыванием о «современной поэзии в целом», т. к. такой заголовок указывает не на конкретное современное стихотворение, а на «а modern poem» в целом. Здесь еще стоит учесть различие между *modern* и *contemporary* в современном искусстве, а указание на первое в случае Н. Сунгатова усиливает исторический и метапоэтический подход в анализируемом нами тексте. Эта проблематика разворачивается в стилизацию под актуальные поэтические языки:

*Как тебя водили туда-сюда
по тёмным подвалам, жестоко пытали, но никогда
ты меня не покинешь, потому что сдохнешь, и это
помни о смерти всегда.*

*Как тебя снимали на видео для меня
(«забери меня», «выкупи меня», и так далее, но
никто не даст ни рубля
за твоё возвращение, детка, голубка, соска моя, божественное вино).*

*Как про это писала Линор Горалик⁴
(говорят, она в Тель-Авиве большой начальник,
где всё время взрывы гремят).*

*И когда ты вернёшься в свой райский сад,
и когда твои звери меня пленят
и наставят палки на мозжечок
(ведь во рву остался один волчок),
прежде чем уничтожить, пойми наконец меня.*

*Как когда мы втроем убивали тебя,
это было смешно, так приказала партия,
и потом нажрались и упали вниз,
а наутро пели, дешёвка, блюз,*

*постоянно что-то происходило,
а над небом звёздочка восходила.*

[Сунгатов 2022]

Уже этот фрагмент можно было бы прочесть как «мерцание» между различными дискурсами от новейшей поэзии до геополитики, однако критический анализ расширяется и за счет включения метакомментария к этой стилизации в текст поэмы:

«Что можно сказать об этом тексте? Что нужно сказать? Субъект насилия в нем помещен в сеттинг популярного стихотворения Линор Горалик⁴, которое, в свою очередь, написано на полях евангельского сюжета. Другой очевидный претекст — стихотворение Анны Горенко “Тело за мною ходило тело...” Стихотворение связывает множество тем: государство и маскулинный субъект; христианство и иудаизм; современная поэзия и литературный быт; Арабо-израильская война и Большой террор; насилие и медиа; насилие и идеология; насилие и священное; насилие и его романтизация; и еще; и еще. Какое отношение все это имеет друг к другу? Кто говорит в этом стихотворении? А кто говорит прямо сейчас? Чтобы избежать неудобного вопроса, нужно заставить повторить его несколько раз, а потом объявить банальностью и штампом» [Сунгатов 2022].

Такой анализ и самоанализ модернистских и актуальных поэтических языков можно сопоставить с тем, что делает с историческими нарративами Х. Уайт в работе «Метаистория», когда анализирует, как

⁴ 18 августа 2023 г. включена Министерством юстиции РФ в реестр СМИ — иностранных агентов.

именно «...историк создает “сюжет”, посредством которого событиям в рассказываемой им истории придается некоторый вид формальной связности» [Уайт 2002: 32]. Так и в поэме Н. Сунгатова возникает не только рефлексия над поэтическими языками, но и анализ поэзии как таковой в ее столкновении с дискурсами насилия и большой истории. Аналогия с «Метаисторией» выбрана нами не случайно, т. к. структура теоретической работы Х. Уайта как «поэтики истории» подобна структуре анализируемой поэмы, высвечивающей не только социальную проблематику, но и дискурсивную, т. е. разбирающую еше и поэтику «a modern poem», вынесенную в заглавие.

Всему этому соответствует и неопределенный, вслед за буквой и артиклем субъект — «it», кочующий между языками, нарративами и ускользящей современностью. Этот субъект работает как «мерцающий», когда «различные типы поэтических дискурсов монтируются друг с другом, не оставляя место для целостного субъекта, роль которого сводится к монтажу» [Корчагин 2018: 393]. С помощью «мерцания» в поэме выстраивается (псевдо)биографический нарратив о жизни субъекта и столкновении с властными дисциплинарными дискурсами в эпоху пандемии:

It
 пльвёт
 по России,
 как в каком-то комедийном
 блокбастере 2010-х,
 разные гэги
 туманят ему башку,
кадры сменяют друг друга: вот
 it
 с бокалом шампанского на корабле *Брюсов*;
вот
 it
 в рабочем доме зимой в Ленобласти;
 it
 навещает родителей в Магнитогорске;
голоса
 часк
 разрезают звуки прибора в 6.00 am;
 it
 впервые
 берёт на руки малыша
 [Сунгатов 2022]

Близкий кинематографическому монтаж собирает факты из обобщенной биографии 2010-х и истории культуры той поры. Так,

корабль «Брюсов» — одно из арт-пространств, притягивавших московскую богему в годы существования (2014–2017) [Рузманова, Яковлев 2017]. Далее субъект «it» сталкивается с «kinky party», протестами, воспоминаниями об отце, акциями «Коллективных действий», пандемией и автокатастрофой, «когда наша тачка стремительно бросается в Волгу» [Сунгатов 2022]. Что примечательно, тема автокатастрофы никак не развивается и затем действие перемещается в воспоминания об экзаменах, символических структурах и Транссибирской магистрали.

Графика фрагментов, посвященных субъекту «it», вызывает отчетливые ассоциации с «лесенкой» В. Маяковского, что тоже не случайно и вписывается в контекст дискурсивного анализа поэтических языков от модернизма до современности. При этом свободный стих этой «лесенки» скорее очуждает псевдоавтобиографический нарратив. Если ритмизованная «лесенка» В. Маяковского усиливала маршевый ритм и «прирученную» идеологией революционность коллективного субъекта [Кукулин 2013: 344–347], то аналитическая лесенка создает «мерцание» между интеллектуальным дискурсом субъекта «it» и его столкновением с историей и властными диспозициями.

Псевдобиографичность повествования подчеркивается и стилизацией под аналитическое эссе, разрывающее нарратив ближе к финалу поэмы: «Как соотносятся аффект и институт?», «Вот чем отличается поэзия от прозы», «Если солидарность между всеми нами возможна, то лишь основанная на этом знании, знании своей случайности» [Сунгатов 2022]. Этот фрагмент подвергается двойному очуждению — будучи сам по себе воспроизведением дискурса интеллектуалов 2010-х, он еще и графически стилизован под машинописный текст, что уже отсылает к неподцензурным практикам и самиздату. Кроме того, помимо указанного в начале статьи графического переплетения с поэмой С. Малларме «Бросок костей» здесь можно увидеть и смысловую отсылку через мотив случайности, важный и для модернистского претекста [Малларме 2018: 201].

Таким образом, Н. Сунгатов формирует свой аналитический метод на синтезе сразу трех модальностей высказывания: о поэзии вообще, о дискурсивной/дисциплинарной рамке современной субъективности, о прагматике и (не)возможности политического. Попеременно отсылая то к поэтическим языкам, то к политическим реалиям, то к языкам описания, он, с одной стороны, формирует в поэме особую критическую и аналитическую оптику по отношению к поэзии и ее эмансипаторному потенциалу. С другой, именно через такую критическую рефлексию возникает эмансипаторный потенциал, ставящий под вопрос не только властные диспозиции

и авторитарные риторики, но и конвенции интеллектуального (леволиберального) дискурса 2010-х:

— мне кажется, *it* хочет открыть отношения, —

шепчет травинка
лучику солнца,
обнимающему твой порез от бритвы
в миг,
когда ты думаешь (старомодно),
что настоящий анализ поэзии
доступен только лингвисту.
[Сунгатов 2022]

Итак, если «Метаистория» Х. Уайта была посвящена дискурсивному анализу исторических нарративов, то «[a modern poem]» становится дискурсивным анализом как новейшей поэзии и ее языков, так и ее столкновения с дискурсами насилия и большой истории. Вся развертка поэмы становится способом исследования языков и метаязыков искусства и гуманитарного сообщества от модернизма до пандемии в начале 2020-х. Это усиливается и особой ролью буквы в «[a modern poem]», работающей и как дискурсивная экзобуква в стилизациях, и как артикль «а» с его семантикой неопределенности, структурирующей «мерцание» субъекта между языками, идеологическими нарративами и ускользающей современностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенберг М. Оправданное присутствие. М., 2005.
2. Драгомощенко А. Тавтология. М., 2011.
3. Дрёмов М. Что нас жалеть, когда виновны сами! // Новое литературное обозрение. 2023. № 2 (180). С. 280–284.
4. Корчагин К. Возвращение мерцающего субъекта: московский концептуализм и поэзия 2000–2010-х годов // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика. Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, 2018. P. 383–396.
5. Кривулин В. Стихи юбилейного года. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/krivulin4.html> (дата обращения: 10.05.2023)
6. Кузьмин Д. Интервью сайту Lookatme, 2009 // Вавилон [Электронный ресурс]. URL: <http://vavilon.ru/dk/interview-lookatme.html> (дата обращения: 10.05.2023)
7. Кукулин И. Прирученная революционность: Разные типы трансформации авангардной поэтической традиции в конце 1920-х годов // Сто лет русского авангарда. М., 2013. С. 334–356.
8. Ларионов Д. [Отзыв на сборник Никиты Сунгатова «Дебютная книга молодого поэта»] // Воздух. 2015. № 3–4. С. 313.

9. Малларме С. Бросок костей / пер. с фр. К. Корчагина // Мейясу К. Число и сирена / пер. с фр. С. Лосевой и К. Саркисова. М., 2018. С. 157–205.
10. Масалов А. Русскоязычная непрозрачная поэзия: от метареализма до конца 2010-х годов // Новое литературное обозрение. 2022. № 4 (176). С. 210–231.
11. Муравьева Л., Швец А. Международная конференция «Трансатлантические связи в европейской и американской литературе» (СПбГУ, 19–20 июня 2019 года) // Новое литературное обозрение. 2020. № 4 (170). С. 400–411.
12. Олсон Ч. Проективный стих / Пер. с англ. А. Скидана // Новое литературное обозрение. 2010. № 5 (105). С. 255–265.
13. Рузманова Ю., Яковлев А. Я работал на корабле «Брюсов» // The Village. 3.05.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-village.ru/business/wherework/264608-korabl-bryusov> (дата обращения: 10.05.2023)
14. Соколов И. [Предисловие] // Сунгатов Н. [a modern poem] // Грѣза. 18.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://greza.space/a-modern-poem/> (дата обращения: 10.05.2023)
15. Сунгатов Н. Два стихотворения // Грѣза. 14.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://greza.space/dva-stihotvoreniya/> (дата обращения: 10.05.2023)
16. Сунгатов Н. Земля состоит из крови // Воздух. 2014. № 2–3. С. 175–179.
17. Сунгатов Н. На(в)ступление // [Транслит]. 2016. № 18. С. 7.
18. Сунгатов Н. [a modern poem] // Грѣза. 18.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://greza.space/a-modern-poem/> (дата обращения: 10.05.2023)
19. Уайт Х. Метаистория / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитонова. Екатеринбург, 2002.
20. Цве О. [Предисловие] // Сунгатов Н. [a modern poem] // Грѣза. 18.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://greza.space/a-modern-poem/> (дата обращения: 10.05.2023)

REFERENCES

1. Aizenberg M. *Opravdannoe prisutstvie* [Justified presence]. Moscow, Baltrus, *Novoe izdatel'stvo*, 2005. 212 p. (In Russ.)
2. Dragomoshchenko A. *Tavtologiya* [Tautology]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2011. 456 p. (In Russ.)
3. Dremov M. Chto nas zhalet', kogda vinovny sami! [Why pity us when we are guilty ourselves!], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2023, no. 2 (180), pp. 280–284. (In Russ.) doi: 10.53953/08696365_2023_180_2_280
4. Korchagin K. Vozvrashchenie mertsayushchego sub"ekta: moskovskii kontseptualizm i poeziya 2000–2010-kh godov [The Return of the Blinking Subject: Moscow Conceptualism and Poetry in the 2000s and 2010s], *Sub"ekt v noveishei russkoyazychnoi poezii — teoriya i praktika* [The Subject in Contemporary Russian-Speaking Poetry — Theory and Practice], Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, *Peter Lang*, 2018, pp. 383–396. (In Russ.)
5. Krivulin V. *Stikhi yubilejnogo goda* [Poems of the Anniversary Year]. Moscow, *OGI publ.* 80 p. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/krivulin4.html> (accessed: 10.05.2023) (In Russ.)
6. Kukulin I. Priruchennaya revolyutsionnost': Raznye tipy transformatsii avangardnoi poeticheskoi traditsii v kontse 1920-kh godov [Tamed Revolutionary: Different Types of Transformation of the Avant-Garde Poetic Tradition in the Late 1920s], *Sto let russkogo avangarda* [One hundred years of the Russian avant-garde], Moscow, *Moskovskaya konservatoriya publ.*, pp. 334–356. (In Russ.)

7. Kuz'min D. *Interv'yū saitu Lookatme*, 2009 [Interview with Lookatme, 2009], Vavilon. URL: <http://vavilon.ru/dk/interview-lookatme.html> (accessed: 10.05.2023) (In Russ.)
8. Larionov D. Otzyv na sbornik Nikity Sungatova "Debyutnaya kniga molodogo poeta" [Review of "The Young Poet's Debut Book" by Nikita Sungatov], *Vozdukh*, 2015, no. 3–4, pp. 313. (In Russ.)
9. Mallarmé S. Brosok kostei [Un coup de dés], *Meillassoux Q. Chislo i sirena [Le Nombre et la Sirène]*, Moscow, *Nosorog publ.*, pp. 157–205. (In Russ.)
10. Masalov A. Russkoazychnaya neprozrachnaya poeziya: ot metarealizma do kontsa 2010-kh godov [Russian-Language Opaque Poetry: From Metarealism to the Late 2010s], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022, no. 4 (176), pp. 210–231. (In Russ.) doi: 10.53953/08696365_2022_176_4_210
11. Murav'eva L., Shvets A. Mezhdunarodnaya konferentsiya "Transatlanticheskie svyazi v evropeiskoi i amerikanskoi literature" (SPbGU, 19–20 iyunya 2019 goda) [International Conference «Transatlantic Ties in European and American Literature» (SPBU, June 19–20, 2019)], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2020, no. 4 (170), pp. 400–411. (In Russ.)
12. Olson Ch. Proektivnyi stikh [Projective Verse], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no. 5 (105), pp. 255–265. (In Russ.)
13. Ruzmanova Yu., Yakovlev A. Ya rabotal na korable "Bryusov" [I worked on the ship "Brusov"], *The Village*, 3 May 2017. URL: <https://www.the-village.ru/business/wherework/264608-korabl-bryusov> (accessed: 10.05.2023) (In Russ.)
14. Sokolov I. Predislovie [Preface], Sungatov N. [a modern poem], *Greza*, 18 January 2022. URL: <https://greza.space/a-modern-poem/> (accessed: 10.05.2023) (In Russ.)
15. Sungatov N. Dva stihotvoreniya [Two Poems], *Greza*, 14 January 2020. URL: <https://greza.space/dva-stihotvoreniya/> (accessed: 10.05.2023) (In Russ.)
16. Sungatov N. Zemlya sostoit iz krovi [The Earth is Constituted by Blood], *Vozdukh*, 2014, no. 2–3, pp. 175–179. (In Russ.)
17. Sungatov N. Na(v)stuplenie [Intro], *[Translit]*, 2016, no. 18, pp. 7. (In Russ.)
18. Sungatov N. [a modern poem], *Greza*, 18 January 2022. URL: <https://greza.space/a-modern-poem/> (accessed: 10.05.2023) (In Russ.)
19. Tsve O. . Predislovie [Preface], Sungatov N. [a modern poem], *Greza*, 18 January 2022. URL: <https://greza.space/a-modern-poem/> (accessed: 10.05.2023) (In Russ.)
20. White H. Metaistoriya [Metahistory], Ekaterinburg, *Ural University publ.*, 2002. 528 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.10.2023

Принята к публикации 19.12.2023

Отредактирована 12.01.2024

Received 13.10.2023

Accepted 19.12.2023

Revised 12.01.2024

ОБ АВТОРЕ

Масалов Алексей Евгеньевич — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теоретической и исторической поэтики и кафедры истории русской литературы новейшего времени РГГУ, младший научный сотрудник отдела теоретической лингвистики Института языкознания РАН; uchkuduk202@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Masalov — PhD, lecturer, Department of Theoretical and Historical Poetics, Department of Contemporary Russian Literature, Russian State University for Humanities; junior researcher, Department of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; uchkuduk202@gmail.com